

СТЕНОГРАММА СОВЕЩАНИЯ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ

14 марта 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Здравствуйте, товарищи! Это у нас в ЦК КПСС четвертая встреча за эту неделю после съезда. Первая встреча была с секретарями Центрального Комитета партии и заведующими отделами. На ней обсуждали итоги съезда, главные его уроки и задачи, которые отсюда вытекают для нашей работы. В среду мы 8 часов обсуждали, как работать Советскому правительству после съезда. Вчера мы обсуждали итоги съезда на Политбюро. В общем, съезд продолжается, и он должен продолжаться – это ясно.

Чем вызваны эти встречи, в том числе встреча в эту самую горячую неделю с вами, руководителями основных наших средств массовой информации?

Здесь, в узком кругу, не для печати, не для шума хотел бы сказать, что мы провели съезд особый во многих отношениях. Прежде всего надо отметить, что он прошел на таком историческом этапе, когда перед партией и страной стояли очень большие и ответственные задачи. Сама жизнь поставила вопросы, от решения которых уже нельзя было уходить. Поэтому если говорить об истоках того, почему он проходил на таком уровне, в такой атмосфере и принял такие документы, то я думаю, что они состоят в том, прежде всего, что объективная потребность в таких решениях, в таком съезде назрела. Она назрела и с точки зрения развития нашей страны, и с точки зрения мирового развития.

Общество наше, – мы чувствовали это в последние годы, – переживало особый период, когда обнаружились проявления негативного порядка в экономике, в социальной сфере, в моральной сфере. Да что говорить, даже и в самой партийной сфере, в кадровой политике. В общем, ситуация, жизнь требовали ответов на эти вопросы, требовали решений, причем во многих случаях нестандартных.

Если подойти к этому с позиции политических последствий такой ситуации, то следует сказать вот что. При всем патриотизме нашего народа, – я не знаю, есть ли еще такой народ, – при всем его доверии к партии, государству, при всей его однозначной поддержке социализма, приверженности этому строю, тем не менее все-таки критики, недовольства в его среде было много. А главное – проявлялась апатия. Народ был не доволен тем, что происходит. Мы это видели и чувствовали.

Кроме того, на настроениях людей сказывались такие жизненные, реальные вещи, как нерешенность задачи снабжения продовольствием, промышленными товарами. Конечно, вопросы здесь всегда будут, особенно по промышленным товарам. Спрос – дело переменчивое. Но тем не менее все-таки ситуация должна быть иной. Страна у нас огромная, ресурсы огромные, потенциал огромный – и экономический, и научный, и кадровый, и человеческий. Мы можем и должны решить эти задачи.

Таковы были проблемы внутреннего развития страны. Дальше нельзя было откладывать их решение, ибо их постановка могла произойти с другой стороны. Я имею в виду стихийные проявления недовольства.

То, что партия нашла в себе силы и стала инициатором проведения целого комплекса преобразований, охватывающих все сферы жизни нашего общества, – это делает честь партии. И смотрите, как активно откликнулся на это народ. Еще ничего и не сделали по существу реального, только начали создавать предпосылки к переменам, а народ это оценил. Атмосфера начала меняться, обстановка начала меняться. Мы все почувствовали это с вами. И вы, работники прессы и других средств массовой информации, почувствовали, может быть, даже раньше нас.

Так вот, первое, что нужно отметить, когда мы говорим об истоках и предпосылках съезда, – это объективно созревшие потребности внутреннего развития нашего общества. Второе – это проблемы мирового социализма. В беседе со мной товарищ Живков сказал: «Знаете, товарищ Горбачев, все, что хорошо в СЭВе и содружестве нашем, – это достижение Советского Союза,

все, что плохо, – это тоже “достижение” Советского Союза в основном». Это неприятно и очень резко вроде звучит, но по существу это так в силу той огромной роли, которую Советский Союз играет в социалистическом содружестве, в силу его удельного веса в экономическом, военном, человеческом, научном и культурном потенциале мирового социализма. Действительно, прежде всего мы ответственны за то, что происходит в соцсодружестве. А в странах содружества тоже появились проблемы в развитии экономики, и это сказывается на социальной, идеологической сферах, сознании, настроениях и т. д. Появились предложения искать решения назревших вопросов за рамками социализма. Может быть, это я слишком остро оцениваю, но, во всяком случае, крен в эту сторону просматривается. Но, знаете, если повернуть все от общественной собственности к частному предпринимательству и к рынку, тогда, несомненно, этот базис новый надо будет венчать и другой надстройкой, всеми соответствующими структурами. В Венгрии в Академии наук есть лица, которые прямо эти вопросы выдвигают. А ведь это касается самых главных наших ценностей, нашей системы. То есть все довольно непросто.

А смотрите, как противник воспользовался слабостями в экономике некоторых братских стран. Ввиду кредитной задолженности Западу эти страны в тяжелой ситуации оказались. Это сказывается на политике, они начинают маневрировать. Все это очень непростые вещи.

И еще один важный момент. Перед нами встала задача освоения того, что дает научно-техническая революция, которая вступила в особый этап, связанный с переходом на информатику, на вычислительную технику, на новые технологии, на безлюдные технологии, которые открывают огромные возможности. Мы почувствовали, что до сих пор в значительной мере опирались на экстенсивные факторы. По производительности труда мы не только не сократили разрыв, который у нас есть с развитыми капиталистическими странами, но этот разрыв даже в некоторой степени увеличился.

Ленин сказал, что новый строй победит старый высшей производительностью труда. Ссылаясь на то, что она в развитых капитальных странах в 2,5 раза выше в промышленности и в 5 раз – в сельском хозяйстве, чем у нас, буржуазная пропаганда подбрасывает вопрос: кто же кого побеждает? Отсюда следуют попытки доказать, что социализм – это не тот строй, который может обеспечить быстрые темпы развития и т. д.

Отстаем мы и по национальному доходу в расчете на душу населения. Другое дело, как он распределяется внутри общества. Это принципиально важный вопрос. Мы показали на съезде картину капиталистического общества, его противоречий. Обвинять, особенно на уровне съезда, Политического доклада, не опираясь на аргументы, – это было бы несерьезно. Мы же дали реальную картину.

Тем не менее, если все-таки взять среднедушевой национальный доход в развитых капиталистических странах и в наших, то мы, конечно, уступаем по некоторым показателям. А это используется буржуазными идеологами и пропагандистами для того, чтобы бросить тень на социализм, посеять неуверенность в его возможностях в самих странах социализма, но главное – в огромном третьем мире, который вступил на историческую арену и делает исторический выбор пути своего дальнейшего развития.

До начала 70-х годов имевшийся у нас разрыв с развитыми капиталистическими странами по национальному доходу сокращался по абсолютным цифрам. А в последующий период он не сокращался. Ученые подсчитали, что если эта тенденция сохранилась бы, то к третьему тысячелетию разрыв не только не уменьшился, а увеличился. Этот вывод и этот анализ мы сделали еще накануне июньского совещания, но сняли его тогда из моего доклада.

Вот эти объективные процессы в самом нашем обществе, в мире социализма и в мировом процессе подвели нас к необходимости выработки курса, отвечающего требованиям нынешнего этапа. Что, все это возникло в прошлом году или в позапрошлом году? Нет, это, товарищи, возникло раньше.

Если вы почитаете материалы наших последних съездов, то увидите, что мы это чувствовали и начинали предлагать меры по решению этих проблем. Многие из вас – участники съездов и помнят эти документы. Еще лет 15 назад Леонид Ильич сказал, что надо проводить Пленум по научно-техническому прогрессу, и было принято даже решение об этом. Но он так и не состоялся. Я вот теперь думаю, что если бы этот Пленум провели, если бы выстроили хотя бы примерную концепцию, то такой ситуации не было бы. Но это оказалось неосуществленным. Поэтому эти процессы возникли раньше, но в последние годы обострились. Мы чувствовали, что нужно делать поворот. Но не смогли его сделать. Осознавали, формулировали, записывали, но не поворачивали ни партию, ни общество к этим серьезным проблемам по-настоящему.

И вот в связи с этим встает вопрос: а можно ли было вообще провести на таком уровне, с такими последствиями и решениями съезд, если бы не было апрельского Пленума. Вчера мы на Политбюро прямо сказали: такого съезда нельзя было бы провести. Надо было сделать ответственный партийный анализ и, следуя урокам Ленина, сказать правду, как она есть, не драматизируя, но и не смягчая характеристики той ситуации, в которой мы оказались. Для этого надо было осуществить серьезные перемены в мышлении прежде всего самого политического руководства, на уровне правительства, принять кадровые решения. Если этого не было, не было бы и такого съезда. Это я говорю не для того, чтобы завтра писать в газетах и в журналах, а для общего понимания того, где мы находимся, что нас подвело к этому съезду и что предстоит сделать. Это надо было сказать, товарищи, вот здесь на этой встрече основных руководителей средств массовой информации.

Партия проявила политическое мужество и ответственность перед своим народом и перед всем миром, ибо слабый Советский Союз – это потеря не только для нашего народа, но и для мира социализма, и всего прогрессивного, даже скажем так – реалистического мира. Потому что даже реалистически мыслящие деятели в западных странах заинтересованы в том

влиянии, которое Советский Союз оказывает на развитие событий в пользу мира.

В связи с этим хочу сказать, что, может быть, как никогда за многие годы средства массовой информации активно осветили все эти проблемы, поработали на народ, на дело партии, на историю. Но мы публично не впадаем – и, я думаю, это правильно – ни в какие эпитеты: ни относительно средств информации, ни относительно персон. Я уже об этом не раз говорил. Для нас одно должно быть исходным – «жила бы страна родная, и нету других забот». Вот вокруг этого должна биться мысль у всех нас. Если человек пытается найти решение имеющихся у нас проблем, он с нами, он наш. Он, может быть, еще и не все понял, но важно, что хочет найти их решение. Задача прессы – его поддержать. Пресса рядом с партией. Через нее мы общаемся с массами каждый день.

Поэтому я хочу отметить, что вклад прессы внесла солидный. И, я думаю, тоже прошла за последнее время определенный этап в своем развитии. Это этап, который тоже следует осмыслить.

Это первое.

Многие из присутствующих здесь участвовали в выполнении поручений Центрального Комитета, направленных на то, чтобы понять, что происходит в нашем обществе. Наука наша многое сказала. Выработанный партией курс появился не потому, что кого-то осенило «чудо», и не потому, что появился «бог» какой-то и т. д. Это чепуха все. Он – результат коллективного размышления. И когда люди науки почувствовали, что в их суждении, в их мнении, и причем правдивом мнении, нуждаются, они сделали действительно научный анализ. Хотя в порядке критики должен сказать, что в последнее время наука у нас ударилась больше в диссертации. Но ведь, как говорится, нужен и социальный заказ. Если ощущает наша научная сфера, что испытывается потребность в ее рекомендациях, тогда и появляется желание больше делать. А раз этого не было, то и писались книги, защищались диссертации, а многое из того, что действительно нуждалось в научной

разработке, оставалось неосмысленным. В этом смысле наука, как показали состоявшиеся встречи, была не готова и сейчас не готова к решению некоторых важных вопросов, связанных с задачами ускорения нашего развития. Ну, уж это, как говорят, будем на следующем этапе решать, и об этом еще будет особый разговор.

Таким образом, XXVII съезд стал съездом стратегических решений. Это съезд, на котором шла речь о судьбе страны, о судьбе социализма и вообще о судьбе мирового развития в силу того влияния, которое Советский Союз оказывает на события в мире. Вот цена анализа и решений, принятых съездом.

Хотел бы подчеркнуть еще какую мысль: чем больше мы углублялись в анализ ситуации, чем внимательнее выслушивали мнения экспертов, деятелей науки, тем больше у нас крепло убеждение, что все сводится прежде всего к тому, что мы не используем по-настоящему практический потенциал социализма, возможности, заложенные в этом общественном строе, в его экономической системе, в политической системе, в духовной сфере. Поэтому **суть всех наших решений сводится к тому, чтобы раскрыть потенциал социализма на всех направлениях.**

В.И. Ленин в одной из своих работ очень кратко, емко выразил мысль относительно неразрывности социализма и демократии. Работу эту я сейчас не помню, может быть, кто-то из вас помнит. Правда, философы не упражняются в запоминании...

ГОЛОС. Все помним.

ГОРБАЧЕВ. Кое-что, оказывается, помнят. *(Смех.)* Он сказал, что социализм является высшим достижением демократии в истории человечества, что сам он как строй может существовать только через демократию, через участие в решении всех государственных и общественных дел народа. Вот собственно ленинская диалектика. Так вот, если мы задыхались в определенной степени или тяжело нам было дышать, то это происходило еще и потому, что народ по-настоящему не был включен в решение дел и в экономической сфере, и в политической, и в моральной, и в

духовной. Мы не использовали потенциал социализма вообще, но прежде всего – творческий потенциал народа. Парадоксальная ситуация возникла. Ленин сказал, что неграмотный человек стоит вне политики. 70 лет мы положили на то, чтобы сделать наш народ самым образованным в мире, создать такую науку, такую грамотность, такую культуру, мощную, народную. Подготовили человека, который созрел для того, чтобы активно и сознательно участвовать в политике, а наши механизмы, оказалось, не обеспечивают по-настоящему его включение в процесс управления экономикой и обществом, духовной сферой и т. д. Это ведет к тому, что не используются возможности, которыми уже теперь располагает советский человек.

В общем, товарищи, когда глубоко обдумаешь все то, что мы увидели своими глазами и услышали на съезде, возникает чувство гордости – какой народ пришел! Ведь самые лучшие на съезде выступления – это выступления рядовых людей. Самые лучшие выступления, товарищи. Им могли кое в чем помочь с точки зрения редакции, оформления. Но кто бы за Плетневу мог поднять те проблемы, о которых она говорила? Она их пережила за эти десятилетия, отдала все их решению. Кто так знает все эти вещи? Да никто. А тут сразу видно, что это – человек. Или этот угольщик. Или ветеран партии, который стучал в ваш адрес кулаком. Особенно, Николай Матвеевич, в ваш адрес. И композиторов тоже. Ну и поэтов. Что ж, говорит, будем петь: ведь скоро «курганов» не будет. Здорово же!

Это было торжество нашего народа на съезде. Он чувствовал себя хозяином на съезде. Кто-то подметил правильно, что не было разницы между разговорами на съезде и в кулуарах. Ведь бывало так: ля-ля-ля-ля, ура-ура-ура! – на съезде, а в кулуарах – обмен по существу вопросов. Это, как говорят, двойное дно. Сейчас такого не было. Был настоящий работающий съезд. Ну, и что потеряли мы от торжества правды на съезде, от атмосферы принципиальности, требовательности, критики, самокритики, поисков, от того, что народ принес на съезд свой опыт, свои мысли и сказал о них партии? Я думаю, что мы от этого только выиграли, выиграли в содержании работы

съезда, в подготовке его документов. Выиграли еще и в том, что вокруг съезда концентрировалось внимание всего общества, люди сидели у телевизоров... и критиковали Аксенова за то, что только в программе «Время» интервью с делегатами показывают. Причем эти интервью с делегатами, их выступления просто за душу брали... Народ просто разошелся, как говорят.

Нам нужно всю эту атмосферу – и предсъездовскую, и особенно ту, которая царила на съезде, – сохранить, развить дальше и распространить на все общество. Это задача номер один для партийных комитетов и средств массовой информации. Почему, товарищи? Может быть, кое-кто думает, что съезд прошел, можно теперь отдохнуть и продолжать работать по-старому? Нет. Ни общество, ни партия не захотят уже жить так, как жили вчера. А самое главное – мы просто не можем ни работать так, как вчера, ни жить, ни мыслить. Утверждать это – сверхзадача партии и средств массовой информации как продолжения самой партии, как самого сильного инструмента в руках партии для разговора каждый день с миллионами людей.

И тут я перехожу уже ко второй части нашей встречи. Трудно было сделать правильный анализ, установить, где мы находимся, и выстроить стратегию на ближайшую и отдаленную перспективу. Трудно и ответственно. Ошибки в этом деле могут иметь самые тяжелые последствия, буквально загнать страну в тупик. Поэтому не будем преуменьшать значение той работы, которую мы проделали, идя навстречу съезду. Работы огромной, важной, необходимой.

И все же, при всей важности проделанной работы, главное теперь состоит в том, чтобы воплотить намеченное в жизнь. Об организации выполнения решений съезда вчера на Политбюро шел разговор. Мы живем в очень интересное, трудное, но строгое время. Если мы сорвем выполнение решений съезда, то последствия могут быть самые серьезные – политические и социальные, внутренние и внешние, для нас, для мира социализма и всего мирового развития. Так вот теперь, когда мы вступаем в новый этап, – вчера об этом я говорил на Политбюро, – мы еще лучше видим и понимаем, что за

съезд мы провели, какие решения приняли и какое значение имеет их практическая реализация.

Противник сейчас все пускает в ход, чтобы обесценить наш съезд, преуменьшить его значение. Паника в его стане прямо настоящая. Что их беспокоит? У нас есть данные о закрытой беседе у Рейгана в Белом доме по этому вопросу. Прежде всего их беспокоят не ракеты, не вооружение, а то, что Советский Союз, его «новая команда», как они выражаются, решит задачи, которые съезд поставил в сфере развития экономики. Они считают, что это было бы крахом для Соединенных Штатов и всей капиталистической системы. И сейчас их пропаганда развивает тему: да, это уже было не раз, эти коммунисты свои планы намечали, но проваливали, провалят они их и на этот раз. Они используют все каналы, стремясь повлиять на наш народ, посеять сомнения в реальности наших планов, пытаются доказать, что это иллюзии, что это невозможно, что для того, чтобы это сделать, надо изменить систему, что социализм, мол, на это не способен со своей бюрократией и т. д., и т. д. В качестве аргумента используют и нашу собственную критику. Короче говоря, делают все, чтобы у советских людей посеять неверие в наши планы. Это первое направление.

Второе. Вчера только получили мы информацию оттуда же. В Вашингтоне в растерянности в связи с нашей внешнеполитической линией и стратегией. В растерянности потому, что ничего не могут противопоставить ей цельного, убедительного, серьезного. Не могут но... Сейчас задачу они ставят, чтобы какими-то шагами, провокациями отвлечь внимание от наших инициатив и сорвать достижение договоренностей. Последний пример – провокационное требование уменьшить на 40 процентов количество наших представителей в аппарате ООН. Это первое их мероприятие, преследующее цель испытать, насколько дорожит советское руководство советско-американскими отношениями, насколько оно будет в интересах этого жертвовать и терпеть это хамство с их стороны. Это пробный шар, чтобы определить, на какие шаги дальше пойти, чтобы определить пределы

возможного, чтобы это все расшатать и создать трудности. Их беспокоит, что третий мир повернулся к нам, связывая с этим свои надежды. Их беспокоит и то, что Западная Европа слушает и ведет с нами заинтересованный диалог, ищет какие-то пути урегулирования имеющихся проблем. Белый дом беспокоит, что даже палата представителей конгресса США взяла и проголосовала за прекращение ядерных испытаний. Этого ж не бывало! Борьба, таким образом, разворачивается серьезная.

Что нам делать? Первое – это, повторяю, перенести атмосферу предсъездовскую, и особенно съездовскую на всю общественную жизнь, развивать и укреплять ее. В связи с этим хотел бы рассказать вам вот что. Во время работы съезда был мой день рождения, так совпало. Писем пришло много, несколько тысяч от рядовых людей. Я после съезда, это было в субботу и воскресенье, думаю, дай почитаю, что люди пишут? В дни работы съезда читать не было времени – день и ночь мы были заняты. Начал вскрывать пакеты и быстро просматривать. Что в письмах? Поддержка, поддержка и пожелания. Порядок! Порядок! Порядок! Твердая рука, хозяин нужен. Вот такие выражения. Из Прибалтики, из Одессы, из Закавказья, с Чукотки, Хабаровска.

Нужно признать, что в связи с большой загрузкой во время отчетно-выборной кампании, мы, может быть, ослабили в какой-то мере внимание к вопросам дисциплины и порядка. Это нужно поправить. Порядок должен быть везде – на производстве, в обществе, в городе, селе, везде. Этого требует сам народ. Товарищ Кручина рассказал мне, что в субботу, во время съезда, пришел в магазин, видит: стоит очередь, и настоящее собрание идет – обсуждают работу съезда. Подошла к прилавку какая-то женщина и видит, что ценников нет. Она и говорит: «Девчата, как же вам не стыдно! Съезд же ведь идет, а вы ценников даже не поставили». Вот ведь как народ начинает воспринимать дела партии – душой, сердцем. Это очень важно. Это надо всемерно поддерживать.

Но порядок нужен везде: на производстве, в учреждении, сфере обслуживания. Помните, говорили и писали о том, что надо тратить рабочее время, чтобы взять справку в конторе или паспортном столе. Бросать производство, чтобы идти в эту контору бюрократическую, чтобы решить простой гражданский вопрос. И работник этой конторы еще куражится: не так оформлено, не на той строчке написано и т. д. И сфера обслуживания вернулась к работе в часы, которые ей выгодны, а не народу. Разве это порядок! Транспорт городской стал как ему выгодно работать. Магазины начали торговать водкой. Или – секретарь райкома решил обмыть свое избрание на конференции. Правильно КПК его исключил из партии! Видите, какая еще борьба предстоит.

Линию на укрепление порядка, дисциплины, борьбу с пьянством, в том числе и в журналистских кругах (там любят выпить тоже), будем вести последовательно и решительно. Но говорим: все начинать будем с партии, с руководящих кадров. Вот лозунг, который мы ввели: «Все надо начинать с себя!». Одна дисциплина, одна мораль, один закон для всех.

Уравниловки в оплате труда нельзя допускать – и об этом говорится на партсобраниях, на встречах с трудящимися. Недопустимо, что и настоящий труженик, и бездельник живут одинаково и доходы часто имеют одинаковые. У нас социализм, – а при социализме оплата может быть только по труду. Народ остро реагирует на любые отступления от принципа социальной справедливости. Если уж говорить об этом, то, прежде всего, справедливость мы должны связывать с основным законом социализма: от каждого по способностям, каждому – по труду. Это главное в распределительных отношениях.

Мы, товарищи, за эти месяцы преодолели серьезный барьер. Дело в том, что в свое время у некоторых работников наших руководящих органов ослабилась связь с народом. Сейчас она нарастает. Но до сих пор не перевелись еще такие лица, которые полагают, что инициатива, предложения трудящихся – это покушение на их престиж. Это надо искоренять. Подлинный

руководитель нуждается в этом, он все делает, чтобы стимулировать такую инициативу. Так всегда делали умные руководители. Даже те, кто особо, как говорят, большим образованием не мог похвастаться, но чутьем, народным талантом это улавливал. Поэтому и сегодня есть люди, которые, имея семь классов образования, являются героями, возглавляют и ведут уверенно коллективы.

Смотрите сколько механизмов повышения инициативы и активности трудящихся заложено в Политическом докладе. И мы будем их разворачивать, развивать потенциал народа. Это касается и экономики, и политической системы, и духовной сферы. Поэтому то, что мы приобрели в последние месяцы – усиление связи наших органов с народом, это мы должны развивать всемерно. Нужно искоренять неуважительное, обидное отношение к людям – чванство, бюрократизм, борьбу с которыми я поставил бы на первое место. Бюрократ приоритет дает совещаниям, бумаге, умению кругло ответить, ничего он вроде и не оставит без внимания, но ничего и не решит, все останется по-старому. Вот все эти вещи – совершенствование стиля работы в интересах дела, в интересах того, чтобы стимулировать участие народа в управлении во всех сферах жизни – политической, экономической и духовной, – это мы должны продолжать. Это наше спасение. Даже без дополнительных капиталовложений мы можем двенадцатую пятилетку вытащить на творческой активности масс, их энтузиазме, рачительном ведении хозяйства, потому что жизнь показала, что у нас еще такие неиспользованные резервы, что у нас столько валяется под ногами, столько гробится. Вчера мы рассматривали, как нам двинуть дело в капитальном строительстве, ввести его в русло нормативных сроков и т. д. Если мы сократим сроки строительства в стране только на один год, а они сейчас составляют девять-десять лет...

ГОЛОС. В промышленности сейчас девять в среднем, а надо – три с половиной.

ГОРБАЧЕВ. Надо три с половиной. Так вот, если на один год их сократим, то мы сразу национальный доход пополняем на 12 миллиардов. А

мы его как раз на 12 миллиардов и наметили увеличить в 1986 году. Вот какие у нас резервы. В их мобилизацию нужно включить народ. Вот почему я обращаюсь к вам. Мы будем вводить в действие экономические механизмы в целях совершенствования управления народным хозяйством. Я об этом буду говорить дальше. Но пока эти механизмы заработают, пока мы преодолеем инструкции, которые сейчас держат хозяйственника и трудовой коллектив по рукам и ногам, – для этого потребуется время и много усилий. Никто не хочет уступать, товарищи, своих позиций. Госплан не хочет понять, в чем его роль. Министерство не хочет уступать свои права. Вот как засели в головах людей и укоренились многие формы работы сорокалетней и даже пятидесятилетней давности. Эти старые одежды не дают простора для производительных сил, для нового человека, для нового подхода. Все это трещит. И тем не менее новое устанавливать трудно даже с помощью ЦК и Правительства. Но даже при этом многое можно сделать, если мобилизовать людей через механизм партии и через средства массовой информации.

Очень бы не хотелось, чтобы потерялось значение XXVII съезда в трескотне по линии партийной работы, по линии средств массовой информации. Нужна не громкая шумиха, а компетентная практическая работа по реализации решений съезда. Я сказал, что этот вопрос мы обсуждали на Политбюро. Как у нас раньше проводились активы? Состоялся съезд или Пленум, – и начинается спешка, кто быстрее проведет актив, глубоко не вдумываясь, какие следует сделать выводы для республики, области, коллектива. Это негодный прием. На этот раз мы всем сказали: езжайте, проанализируйте, обдумайте, какие выводы для вас вытекают, и тогда выходите с разговором, что вам делать, чтобы решения съезда воплощались в жизнь.

Идеологи как наши работают? Намечают семь-десять всесоюзных конференций, сорок зональных совещаний, на которых идет треп. Цыганским табором одни и те же люди по стране ездят, вместо того чтобы организовывать работу в районе, в городе, там, где политика состыковывается с жизнью.

Именно там и должна проводиться идеологическая работа. И только минимум мероприятий – в центре для ориентировки, для координации, для того чтобы все в одном русле действовали. Вот что нужно. Никаких всесоюзных, никаких зональных. Все на месте. Все идеологические силы партии, которые в Москве и в других центрах сосредоточены, – в районы, в города для оказания помощи и для работы с народом. Туда, где политика состыковывается с жизнью.

Самая главная беда нашей идеологической работы в предшествующий период состояла в отрыве от реальной жизни, замкнутости, кастовости. Получалось что-то вроде чистого искусства для искусства. Нам такая идеология не нужна, если она не оплодотворяет жизнь, если она не трансформирует политику нашу в жизнь! Этот идеологический треп только вызывает раздражение у людей. Соревнование в эпитетах, в высочайших сравнениях и так далее. Кто покраснее выразится. Чепуха это все! Все мы должны сейчас заняться тем, чтобы план 1986 года был выполнен, чтобы была выполнена двенадцатая пятилетка. Это самое главное.

Если мы справимся с 1986 годом – самым трудным в двенадцатой пятилетке, и справимся с двенадцатой пятилеткой – самой трудной в предстоящем 15-летнем периоде (а мы ее выполним), то мы выполним и перспективные задачи, которые наметил съезд. Почему нынешняя пятилетка самая трудная? Потому что мы должны как раз в эти годы осуществить переход от экстенсивных на интенсивные рельсы развития, провести реконструкцию огромных масштабов. Мы должны мышление людей изменить, а это самое трудное дело. Меняется оно трудно. Все это мы должны в двенадцатой пятилетке сделать и вместе с тем обеспечить более высокие темпы развития, чем имели до сих пор.

Вот задача, над которой все мы должны работать и в партии, и в средствах массовой информации. Что для этого нужно? Нужен порыв. Сейчас нужно по крупицам искать, как пчелы нектар тянут, и получается мед, проявления нового, ценного, передового, обобщать и распространять его. И важно, чтобы народ об этом знал, видел поддержку доброй работы

коллективов, бригад, рабочего, колхозника, инженера, ученого. Нужно все это давать в средствах массовой информации, чтобы люди видели – вот как надо работать. Сейчас многие товарищи не делают так не потому, что они противники и саботажники. Нет. Человек просто не знает, как это делать. Он душой за новое, но не знает, как ему вести себя в нынешних конкретных условиях. Это надо иметь в виду.

Вместе с тем необходимо продолжать критику недостатков. Если у кого-то есть недопонимание по этому вопросу, то я хочу внести ясность. Критика, самокритика – необходимое условие движения вперед при социализме. В условиях отсутствия в нашей стране оппозиционных партий критика и самокритика, важное значение которых подчеркивал Ильич, – это своего рода «оппозиционная партия». Только эту критику мы сознательно сами развиваем и используем этот инструмент в наших интересах. Без критики мы жить не можем, задач наших не решим!

Но демагогия никакого отношения к критике не имеет. Никакой демагогии, никакого смакования, никакой издевки над нашим образом жизни, людьми и т. д.! Вот это, товарищи, надо иметь прежде всего в виду.

Вы знаете, как болезненно прореагировали, когда «Правда» поместила известное письмо. Если эту тему поднять в конкретном плане, это будет правильно. В Политическом докладе я высказал идею о том, чтобы наш аппарат по отношению к руководящим выборным органам не был тем самым «хвостом», который вертел собакой или лисой. Его надо тоже менять и смотреть после каждого выборов, чтобы работники аппарата чувствовали, что они тоже подконтрольны. Это все правильно, все это надо делать. Но вот взять и бросить тень, как получилось, на весь этот слой нельзя. Оказывается партия, руководство и рабочие все «за», а кто между ними, те все гробят. Ведь это же наша интеллигенция. Это наши инженеры, эксперты, специалисты на всех уровнях. Разве без них мы можем работать, товарищи? Вспомните, как Ленин и буржуазных специалистов привлекал, и готов им был платить столько,

сколько и сам, и никто в стране не получал. Так нельзя, товарищи. Вы это понимаете.

Или когда вдруг по партии призыв такой, буквально, провокация: «выбивай стулья из-под начальства!» Чувство партийности, гражданственности – оно не позволит никогда такую чушь написать.

Мы сохраняем атмосферу гласности. Мы продолжаем открывать критике и самокритике дорогу; причем критикуем тех, кто медлит, отстает, с тем чтобы помочь ему войти в общую колею, в общий строй, а не для того, чтобы уничтожить и этим насладиться. Иногда от некоторых выступлений садизмом пахнет. Ну, прямо смакуют. Я вам скажу, что это неприятно читать.

Мы за гласность, за правду, за критику и самокритику! Это должно быть ясно. Мы против демагогии! Против смакования! Против сенсаций! Против перекосов! Вот это надо иметь в виду.

Поэтому я хочу, чтобы вы не поняли, что критику вроде хотят приглушить, придавить. Нет! Мы заинтересованы, чтобы сохранялась атмосфера, о которой я только что сказал. Атмосфера гласности, открытости и правды. Не должно быть уютно бездельникам и всем, кто нарушает нормы нашего права и морали. Это в наших интересах. Уютно обществу зато. И народ себя чувствует хозяином. А то где-то что-то решается, а он ничего не знает. Не годится так! Поэтому надо продолжать критику недостатков, но делать это с принципиальных партийных позиций, с пониманием того, что ты редактор, коммунист и гражданин.

Думаю, что теперь у вас здесь ясность есть. Вы не тот народ, чтобы жвачкой заниматься на эту тему.

Следующая задача – это внимание к социальным проблемам. То, что мы просмотрели многое в социальной сфере, товарищи, сработало через человека и отрицательно сказалось на наших делах и в экономике, и в политике, и в настроениях, и в поведении людей.

Каково всем нам было слушать выступление молодой женщины – кавалера трех орденов с БАМа! В Тынде 1000 квартир будет построено, а очередь в семь раз больше. Значит, через пять лет ситуация будет какая? Еще хуже. Значит, дорогу прокладывают, трубы укладывают, предприятия строят, а детских садов нет, школ нет, жилья нет. Создали рабочие места, а работать некому. Такова ситуация. **У нас в стране, товарищи, перепроизводство рабочих мест.** Как это так? Перепроизводство рабочих мест.

Поэтому необходимо усилить внимание к социальным проблемам. Вчера у нас на заседании Политбюро был об этом разговор. Если взять любое, даже передовое предприятие и посмотреть – какие там вопросы не решены, то это прежде всего социальные. Все умные руководители поступают по-иному. И то, что они иногда недобирают по техническому прогрессу, по технологии, по новой технике, они перекрывают за счет прилежания человека и отношения его к делу.

То, что в человеке заложено и что он может дать, – это своего рода тайна. Дело не только в зарплате. Если человек дорожит предприятием, социальными условиями, уважает своего директора – будет трудиться и не подведет. Скажет: что же мы бросим своего директора – нет, никогда. В народе развито такое чувство. Поэтому социальным вопросам – самое большое внимание. Прямо скажу: нам нужно иметь сильную социальную политику, и мы ее будем иметь. Поэтому то, что заложено в наших планах по развитию социальной сферы, должно быть выполнено прежде всего. Под контроль – жилье, под контроль – строительство детских садов, всего, что связано с условиями быта и отдыха людей. В прошлой пятилетке у нас оказались неосвоенными миллиарды рублей, выделенных на социальные нужды, миллиарды.

Потом эта практика составления списка особо важных объектов, куда не попадали ни детские сады, ни школы, ни другие учреждения социальной сферы.

У нас сейчас огромная программа реконструкции. Надо ее взять под контроль. Вчера мы приняли решение о том, чтобы заинтересовать строителей

в реконструкции. В этих целях изменяем механизм оплаты, нормативы. Мы, товарищи, за счет тех средств, которые имеем, можем путем реконструкции создать значительно больше, чем в том случае, если будем гоняться за новыми предприятиями. Поэтому будем делать упор до предела на реконструкцию. Реконструкцию тоже надо взять под контроль, под контроль прессы, радио, телевидения, помогать, двигать это трудное дело.

Продолжим работу над вопросами совершенствования управления, хозяйственного механизма. Это уже теперь дело не только перспективы. Половина промышленности нашей работает на условиях эксперимента, на новых методах. Это еще не то, что мы хотим. Но движение вперед есть.

Вчера мы приняли важные решения по селу. Нужно действовать смело и решительно, развязать инициативу работников АПК. Вчера я беседовал с Мураховским, он говорит: опасность одна – даже сейчас, когда создана система Агропрома и вводится новый механизм хозяйствования, руководящая часть районного и областного звена продолжает работать по-старому. Опять накачки, опять совещания, опять председателя тянут в район, где он сидит целыми днями и так далее. По этому надо ударить по-настоящему. Мы решили при утверждении на Политбюро этой программы по селу, развивающей ленинскую идею продналога применительно к современным условиям, сделать запись о том, чтобы местные органы прекратили дерганье руководителей. Если надо что-то решать, езжай в колхоз или совхоз и там на месте это решай, помогай. Опять стали практиковать накачки, требовать разную цифирь, отчеты, сводки чуть ли не по каждой корове. Ну что за зуд! Поддержать надо Агропром в постановке этого вопроса, развязать инициативу, чтобы быстрее решать продовольственный вопрос. По калоражу (*количество калорий, определяемых количеством основных пищевых веществ – белков, жиров, углеводов, входящих в суточный рацион*) он решен, а вот по структуре не решен.

Второе. Мы хотим развязать инициативу в легкой промышленности, торговле. Надо, чтобы легкая промышленность больше ориентировалась на

ассортимент, качество, на выполнение заявок торговли. Это должно быть главным. А то мы запишем план легкой промышленности в деньгах, она и гоняется за дорогим ассортиментом, чтобы этот план по валу вытащить, не считаясь с удовлетворением потребностей населения. Поэтому наша следующая крупная акция будет заключаться в том, чтобы изменить подход к планированию, системе показателей работы легкой промышленности. Это тоже надо будет поддержать.

Скажу прямо: то, что мы делаем по совершенствованию хозяйственного механизма (я вчера высказал такое мнение), носит пока половинчатый характер. Почему, половинчатый? Потому что те рычаги, которые мы вводим, хотя и оказывают в какой-то мере позитивное влияние, воздействуют на хозяйственную деятельность, но все же не решают главного: недостаточно стимулируют технический прогресс и экономию ресурсов. Есть опыт Сумского предприятия и ВАЗа. Там эта задача решается. За основу берется прибыль, отчисления от которой идут коллективу и в бюджет, обеспечивается самокупаемость. Чтобы получить бóльшую прибыль, а стало быть, и большее отчисление от нее на свои фонды, предприятие стремится иметь бóльшую разницу между отпускной ценой и затратами. Поэтому оно ищет, как сократить и трудовые ресурсы, и материальные ресурсы, вводит новую технику, чтобы поднять производительность труда и сэкономить материалы. Вот и начинается борьба с валом, борьба за производительность. Этот опыт нам нужно двигать. Но оказывается, что многие наши отрасли не могут еще пойти на это, так как не готовы сегодня к такому ведению дела. Мы договорились, что правительство еще раз вернется к этому вопросу. Думаю, на это надо пойти, но не всю отрасль переводить на данный эксперимент, а брать передовые предприятия, которые имеют зрелое руководство и хорошую экономику. Если они готовы, то пусть переходят на опыт Сумского. В дальнейшем этот процесс будет нарастать, захватывая всех. Для того чтобы двинуть это дело вперед, нужна нормативная база, но она пока не разработана.

Когда я сказал Госплану, что наука критикует его за то, что он отделяется половинчатыми мерами, и сослался на конкретных академиков, которые об этом говорят, председатель Госплана ответил: критиковать и мы можем, пусть внесут свои предложения. А предложить, оказывается, нечего.

Проблему эту нужно решить, расширить права предприятий и одновременно обеспечить централизованное решение вопросов, связанных с балансированием планов, ценами, денежными доходами, структурой и пропорциями между отраслями. Этого никто не делает, кроме центра. В этом преимущество плановой экономики. Но что касается всего остального, то надо дать максимум самостоятельности предприятиям. Вот в этом направлении мы и должны двигаться.

Пресса должна очень компетентно эти проблемы освещать, без трескотни, разноса, глубоко и серьезно. Идет поиск, поиск трудный, готовых решений нет. И сейчас для того, чтобы пригвоздить кого-то, много ума не надо. Нельзя отделяться трескотней. Требуется компетентность. Если вы будете, так сказать, общим трепом реагировать на главные наши проблемы, будем вас критиковать. Вы, кстати, тоже не вне критики. У нас никто не может претендовать на то, чтобы быть вне контроля и вне критики. Никто, даже Генеральный секретарь...

Мы будем вас поддерживать всеми силами. Но не претендуйте на то, чтобы стать вне контроля, вне критики. Такого не будет. Мы сказали на съезде, что у нас вне критики ни одной зоны не может быть. Мы знаем, к чему привело существование таких зон в прошлом. Из этого уроки надо извлекать.

Вопросы реконструкции, технического прогресса, управления – серьезные, новые, глубокие. Их нельзя, товарищи, решить одним махом: сегодня так, а завтра будет вот так. Поэтому не нужно и в партийных комитетах, и в прессе проявлять нетерпеливость. Конечно, хотелось бы сделать все побыстрее. Но нужно считаться с тем, что для этого надо многое переделать: сознание, технику, технологию и т. д. Завод должен, к примеру говоря, новые линии развернуть. А где они? Их машиностроение еще должно

изготовить. Поэтому не нужно допускать, чтобы мы народ обвиняли необоснованно. Другое дело – порядок, дисциплина, организованность, выполнение плана, договорных обязательств, качество продукции – эти и другие подобные вопросы нужно остро ставить сейчас, даже при нынешних условиях решать. Надо это иметь в виду.

Теперь о качестве. Если бы мы выпускали продукцию, отвечающую сегодняшним нашим стандартам, то имели бы колоссальный прогресс. Но беда в том, что у нас сплошь и рядом выпускаемая продукция не отвечает стандартам. Видимо, надо перейти на систему оборонки, создать систему контроля за качеством при Комитете стандартов и не принимать некачественную продукцию. Пусть будет борьба, пусть друг другу перемывают косточки, но дальше так жить нельзя. Напрасно переводить труд, материальные ресурсы, энергию – недопустимо. Это разбазаривание народного добра. Изготовили продукцию – и отправляют ее на склад, прислали в колхоз машину, а она не работает, опустили в скважину гидронасос, а через четыре дня его вытаскивают с 2-3-х километров. Что же это, спрашивается, за качество?

Поэтому беритесь за этот вопрос. Эта тема присутствует в нашей прессе и надо ее освещать тоже позитивно, т. е. остро критиковать недостатки и в то же время показывать положительный пример. Если давать только негативные примеры и сегодня, и завтра, и послезавтра, то у некоторых может сложиться впечатление: ничего, у других тоже дело обстоит так, жить можно, ничего не случится! А вот когда показывают, что люди то-то и то-то делают, а ты не делаешь – это уже другой вопрос. Ведь, как говорится, погибнуть, но миром – всегда легче. А вот, когда человек будет видеть, что движение вперед идет вокруг, а он топчется на месте, тогда он почувствует, что до него непременно доберутся. Психологию нужно учитывать, мы же должны быть психологами помимо всего прочего.

У вас есть по этому вопросу документ-письмо ЦК. Поэтому я не буду подробно разворачивать эту тему. Она очень важная, интересная, многогранная. К ее освещению надо хорошие силы привлекать.

Когда я говорю об идеологическом обеспечении всех этих проблем, то имею в виду и их моральную сторону, духовную сферу жизни общества, более тесную связь с массами. Очень серьезные процессы идут в области морального оздоровления общества. Здоровое в моральном отношении общество – это важнейшая предпосылка решения стоящих перед нами задач. Поэтому борьба за соблюдение норм нашей морали во всей широте этой проблемы должна вестись последовательно и твердо. Это очень важно. Народ такую линию поддерживает и включается в этот процесс. Очищение общества, так сказать. Доволен Афанасьев, что я употребил заглавие их статьи. *(Смех.)* Очищаться от всего чуждого нашему обществу надо. Как мы разоблачали и бичевали хапуг, преступников, взяточников, очковтирателей, так будем делать и дальше. Этой публике от нас не будет никакой пощады. И тут не жалеть патронов.

К тому, кто перестраивается, хотя еще всего и не понял, одно отношение. К тому же, кто хапает, кто руки запускает в карман народа – другое. Бить по рукам и по голове нужно эту публику и силой закона, и силой общественного мнения. Тут не должно быть никакой пощады. Народ очень это ценит.

Мы решительно продолжим борьбу против пьянства и алкоголизма. Трудящиеся ее поддерживают. С благодарностью пишут, когда мужья вернулись к детям, семьям. Даже молебны служат за то, что наконец изменилось дело. На 20 процентов сократилось количество разводов. Мы сохранили 100 тысяч людей трудоспособного возраста, которые раньше гибли в авариях и т. д. из-за того, что были в нетрезвом состоянии. 100 тысяч за один год! Целая армия! Вот ведь какие процессы идут.

Сейчас на нас весь мир смотрит. Министр торговли США Болдридж говорит: вы такое дело завернули, никто не верил в реальность этого, думали, сколько раз начинали такие мероприятия, но не завершали их. Сейчас вся

Америка следит за тем, что вы делаете. Мы у себя начали увеличивать продажу «пепси» вместо крепких напитков. Японцы тоже проводят мероприятия такого плана, и, оказывается, на 80 процентов травматизм сокращается.

Кстати, когда я вчера на совещании говорил о социальной сфере, то сослался на то, что японцы перенимают у нас практику строительства детских садов, пансионатов на предприятиях. Учатся у социализма. Кстати, японцы не скрывают, что стремятся взять для себя все передовое в области науки и техники, что появляется в других странах. Они учатся у мира, и можно добавить – мир учится у них. Так и нам надо вести дело.

Эту часть своего выступления, касающуюся наших внутренних дел, я хотел бы закончить указанием на то, что гарантом выполнения намеченных решений является партия. Вопросам развития партии, деятельности партийных комитетов мы будем уделять самое большое внимание и в дальнейшем. Будем продолжать заниматься вопросами кадровой политики, стиля работы в том духе, как мы это начали, поддерживать атмосферу критики и самокритики в партии. Надо бороться с комчванством, особенно в рядах партии, проявлениями аморального порядка, пьянством, карьеризмом, злоупотреблениями властью, причем начинать прежде всего с самой партии. И поддерживать те силы, которые включаются в процесс, начатый апрельским Пленумом. Я вам скажу, что очень порадовался выступлениям на съезде недавно избранных секретарей обкомов – Свердловского, Волгоградского, Ростовского, Иркутского, Ульяновского. Интересные выступления. Может быть, секретарь Волгоградского обкома и задел Афанасьева, и поэтому он не отнесет его выступление к числу интересных. Но это было хорошее выступление.

Вы имейте в виду, что помимо официальной информации, мы имеем еще человеческую информацию, которая каждый день приходит к нам прямо. Народ сразу уловил. Еще съезд продолжался, а пошли разговоры, что, мол, Калашников выступил против развития критики. Заволновались. Задают вопрос: неужели так будет? Думаю, мы это должны иметь в виду. Партия за

развитие принципиальной, деловой критики. Это ясно. И в Политбюро, и в Секретариате у нас такой разговор состоялся.

Несколько слов о разграничении партийных и государственных функций. Что касается хозяйственных вопросов, то все большую роль на себя будет брать Правительство. Мы в Политбюро будем присущими нам методами ему помогать, в том числе и через прессу.

В международный аспект я не хочу углубляться. Стратегию в области внешнеполитической деятельности мы выстроили. К ней, как вы знаете, проявляется большой интерес во всем мире.

Я думаю, самое главное состоит в том, что мы не только призываем других изменить взгляд на современный мир, но попытались изменить и свое мышление. И в какой-то мере это нам удалось и при анализе проблематики современного мира, и при выработке предложений по важнейшим внешнеполитическим проблемам. Мы всех завязали в один узел, сказав, что в условиях угрозы ядерной войны все находятся в одной лодке и должны чувствовать ответственность, вносить, независимо от размеров государства и их политических систем, вклад в борьбу за предотвращение дальнейшей гонки вооружений и предотвращение угрозы ядерной войны. Это сильный тезис. Это то, о чем когда-то говорил Эйнштейн. Он чувствовал, какие последствия может вызвать появление ядерного оружия. И сегодня это, надо сказать, импонирует чаяниям народов и трезвомыслящих политиков.

Второе. Мы стремимся к тому, чтобы в наших предложениях был реализм. А что значит реализм? Это учет интересов безопасности не только своей, но и других. Мы в ней нуждаемся. Но в безопасности нуждается и Америка, и другие государства. Иначе нельзя, товарищи. **Кто с нами будет садиться за стол переговоров, и на что мы на них можем рассчитывать, если мы не будем предлагать равной безопасности?**

Мы предложили, далее, всем взглянуть по-новому на мир, который сегодня взаимосвязан, и не только через ядерную угрозу, но и через экономику, через экологию, через средства информации. Это тоже элементы

нового мышления. Во всяком случае, мне думается, что это нам удалось выразить и самое главное – в мире почувствовали, что мы хотели сказать. И не только прогрессивные силы, которые, в общем-то, очень одобрительно отозвались о нашем съезде, и надо сказать, что такие дали оценки, что я не хотел бы их здесь приводить, слишком они уж... Мы более осторожны сейчас в оценках, наверное, жизнь нас этому научила немного, и, я думаю, это правильно. Главное – дело должно меняться, существо. Но, в общем, как Кастро сказал, все революционное движение в мире имеет теперь документы, вокруг которых начнут объединяться все прогрессивные силы мира, документы, которые показывают перспективу борьбы. Поэтому мы свою задачу выполнили. Но нам предстоит труднейшая борьба. Вот сейчас этим реализмом в политике мы выводим на чистую воду политиков Запада, и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Теперь цели их политики обнажаются. Они заявляли о стремлении уничтожать ядерное оружие. Теперь всем видно, что делать этого они не собираются. В последнем письме Рейган говорит, что ядерное оружие сегодня – это средство сдерживания и сохранения мира. Отсюда взгляд и на гонку вооружений, отсюда взгляд и на испытания ядерного оружия. Значит, все то, что говорилось ими ранее об уничтожении ядерного оружия, рушится.

Дальше. Вы помните, как они носились с нулевым вариантом по ракетам в Европе. Они не соглашались, что мы учитываем английский потенциал и французский. Сейчас мы выдвинули новые известные вам предложения. Для нас это было трудное решение. Но если стратегически мыслить, то мы сделали правильно. А вот если арифметически, тогда, конечно, это в канон не укладывается. Приверженцы старых канонов даже Генерального секретаря обвиняют в связи с этим в непрофессионализме в международной политике. Это в МИДе, в нашем Международном отделе. Видите, какая демократия – уже обвиняют Генсека. *(Смех в зале.)* **Политика поддерживается народом и миролюбивыми прогрессивными силами, а вот от некоторых работников**

МИДа и от Международного отдела я не получил одобрения. Но, я думаю, перестроятся товарищи, поймут, деваться-то некуда.

Трюдо сказал: «Да что вы, столько претерпела Америка, и чтобы она убрала ракеты из Европы – никогда, не верю в это. (Он ведь знающий человек, очень умный политик.) Не уберут. Они кое-что предложили потому, что ваши инициативы игнорировать нельзя».

Вот наша политика, когда она реалистическая, она сразу выводит на чистую воду всю эту братию. Смотрите, и в Америке движение произошло.

Посмотрели Женеву, посмотрели на эти общения, хотя ничего в Женеве, собственно, мы не решили. Состоялся контакт, возникла атмосфера определенная, появились какие-то ожидания. И в результате – движение в обществе. Смотрите, оказывается советские руководители – не звери. А ведь там подобного рода чушь вбили в сознание людей, создали у них представление, что мы только о том и думаем, как уничтожить Америку. Причем такие примитивные шаблоны срабатывают и сидят в голове.

Наша реалистическая политика их подрывает. Вот Яковлев мне дал сообщение о последнем опросе общественного мнения в США. «Вашингтон пост» и телекомпания Эн-би-си, кажется, его провели. Так вот 59 процентов опрошенных считают, что со стороны русских угрозы нет и надо искать пути налаживания отношений.

А вот что говорит Кеннеди: народ устал и хочет спокойствия. Когда в США увидели пресс-конференцию в Женеве, контакты (хочешь не хочешь все это передавалось), то убедились, что русские – нормальные люди. Это действует.

Поэтому мы будем идти в этом направлении, пресса наша должна иметь в виду главное – мы будем проводить твердую конструктивную линию, твердую, товарищи. Это, собственно, стержень, а конкретика будет определяться по ходу развития обстановки. Сейчас все надо сделать, чтобы двигать внешнеполитическую программу XXVII съезда партии, создавать трудности нашим противникам.

Нужно совершенствовать формы и методы доведения наших инициатив до зарубежной общественности. Кеннеди говорит: «Ну вот, видите, как вы работаете. Ваши колоссальнейшие предложения держатся на поверхности короткое время. А вот о Сахарове средства массовой информации США дают сообщения по пять раз каждый день». Американцы умеют выдумать какую-нибудь чепуху и потом катать ее. У них есть в Белом доме один такой «специалист» (его собираются в Вену послать) по провокационным идеям для прессы (фамилию забыл). Оказывается, это он сфабриковал – и считает это своей заслугой – фальшивку о применении нами в Афганистане химического оружия. И удалось многих ввести в заблуждение. Вот они чем занимаются!

Нам надо думать о том, как нашей пропаганде проникать в США. Следует использовать телевидение, если для этого появляется возможность. Они этого боятся. Смотрите, что произошло, когда один наш корреспондент...

ГОЛОС. Познер.

ГОРБАЧЕВ. Познер прорвался на минутку на телеэкран и с ходу дал комментарий. Причем не на всю Америку. Передача шла всего миллионов на десять человек, наверное?

ГОЛОС. Восемь минут, Михаил Сергеевич.

ГОРБАЧЕВ. Восемь минут. Но я говорю о количестве телезрителей. Там же каждая телекомпания охватывает миллионов десять-пятнадцать зрителей.

ГОЛОС. Четырнадцать миллионов.

ГОРБАЧЕВ. Да. Рейган отчитывал за это. Понимаете. Вот оно открытое общество, вот она свобода информации. Чепуха это все! А иногда некоторые люди поддаются на эту демагогию. У них не хватает умения противопоставить наши аргументы. Товарищи, на своем опыте вижу, мы сильны. У нас сильные аргументы. Нам надо смело вступать в противоборство. И потенциал у нас для этого имеется хороший среди журналистов, ученых, общественных деятелей и писателей. Я всегда с интересом слушаю их выступления по телевидению. Прессу просматриваю всю, начиная с «Правды». И убеждаюсь – такие выступления наших общественных деятелей, ученых, писателей сильное

оказывают воздействие. И это понятно. Ведь это же наши «властители дум». Надо шире открывать им дорогу. Публицистика – сильное оружие. Увидев фамилию известного обозревателя, писателя, человек обязательно прочитает его статью. Воздействие огромное. Силу этого воздействия должны использовать все средства массовой информации, в том числе АПН и другие организации, которые выходят на внешнюю политику.

Вам надо обмениваться опытом, находить контакты, продвигать свои дела на основе взаимности. Вот мы обсуждали (я уж открою секрет), как быть с интервью Рейгана – давать его или не давать. Дали, ничего не исключили. Ну и что произошло? Все увидели, с кем мы имеем дело. Боимся мы часто отступить от шаблонов! Как только нестандартное решение – караул!

ГОЛОС. Цензоры сильные у нас.

ГОРБАЧЕВ. Наш цензор – партийность, гражданственность, совесть редактора. Вот главное, на что ЦК ориентирует. А к цензору относятся вопросы безопасности, секретов и т. д. Кому это я перечислил? «Юманите», по-моему?

ГОЛОС. Да.

ГОРБАЧЕВ. В интервью «Юманите» перечислил.

В общем, вы, товарищи, кто здесь присутствует, должны задать тон всей нашей послесъездовской пропаганде. В духе вот этих размышлений, которыми я с вами поделился. Они, может быть, разбросаны, но зато высказаны откровенно, искренне, от души.

Если у вас есть желание, то мы с удовольствием вас послушаем. Виктор Григорьевич, как ты? Намерен что-нибудь сказать?

[Нет листов 37, 38.]

АФАНАСЬЕВ. ...Выборочный метод взяли, хотели написать хороший материал. Из ста ответов 94 – прямые, а шесть можно кое-как отнести к ответам: улучшить, активизировать, на вид поставить и т. д.

Мы теперь решили по-другому сделать, так сказать, солидно, серьезно, конкретно, с местами – с конкретными адресами – и потом брать это на

серьезный контроль. Может быть, брать меньше критических материалов, но как-то доводить их до логического конца. Так мы здесь заведем очень строгий контроль.

ГОРБАЧЕВ. Но потом, конечно, надо иметь в виду.

АФАНАСЬЕВ. Надо.

ГОРБАЧЕВ. Одно дело, когда речь идет о каких-то не порядках текущего плана, дезорганизации, пьянстве, безрукости. Это то, что требует принятия мер или восстановления истины. Но есть вопросы, на решение которых и пятилетки мало. Должны же вы это реально ощущать. Тут ведь тоже есть какие-то критерии. Возьмем технический прогресс.

ГОЛОС. И пусть кто-то скажет...

АФАНАСЬЕВ. Вот сейчас получилось так, что кое-где нас на пленумы перестали пускать, наших работников, корреспондентов «Правды».

ГОРБАЧЕВ. Вообще?

АФАНАСЬЕВ. На пленум обкома, ну, в Ворошиловграде не пустили, в Алма-Ате не пустили на пленумы.

[Нет листов 40-46.]

ЛАПТЕВ. ...что у нас политические установки не всегда подкреплены хозяйственными установлениями. Одно дело, когда мы ориентируем людей на большие политические задачи, и другое – когда повседневную жизнь, каждодневную практику они строят по инструкциям Минфина, Госплана, Госснаба, Госкомтруда и т. д., и т. д. И мы можем дать им очень большую самостоятельность. Но эта самостоятельность находится под постоянной угрозой урезания.

ГОРБАЧЕВ. Вчера я на эту тему на Политбюро товарищу Гостеву говорил. Я сказал: «Как-то странно получается, вместе с нами в последние годы участвовал сам в этом анализе и был за это. Теперь пришел в Минфин, уже поешь другую песню. Что изменилось-то?».

ЛАПТЕВ. Эти инструкции – дело страшное, просто дело страшное. Причем, отвлекаясь в сторону немножко, скажу: помните, мы сообщали об

этом неоднократно, «Известия» по этому поводу выступали раз пять, наверное, – о сокращении бумажного оборота. О том, что он уменьшается. Товарищ Деменцев нам сообщил потом, – и мы довели до читателя, – что оборот сократился на 30 процентов. Вот кто-нибудь это почувствовал, что он сократился на 30 процентов? Никто не почувствовал. Встает вопрос: в чем же дело? Либо это было такое количество ненужных бумаг, либо эти 30 процентов ничего не значат.

ГОРБАЧЕВ. Я, когда был в Белоруссии в командировке, беседовал там с председателем колхоза. Сидим, борщ едим, – обедаем. Он говорит: «Вы пока обедайте, а я Вам расскажу. Что самое главное? Надо аппарат разогнать, а что останется сократить вдвое». *(Смех.)* То есть этот аппарат его допек уже, а он дважды Герой, депутат Верховного Совета. Ну, жить, говорит, невозможно. Есть такие люди – приедет и начинает качать права, подчеркивать, что он представитель вышестоящего органа.

ГОЛОС. Это Вы говорите про Стародубцева?

ГОРБАЧЕВ. Нет. Это Ралько. Да мы ведь вместе и были. Мы же обедали-то, сидели вместе или нет?

ГОЛОС. Видимо, нет, Михаил Сергеевич.

ГОРБАЧЕВ. Это точно, точно.

ЛАПТЕВ. Следующий принципиальный момент, который я хочу затронуть, – это вопрос, о котором мы тоже говорили, это вопрос о гласности.

Михаил Сергеевич, до сих пор гласность все-таки значительным большинством наших работников рассматривается не как инструмент формирования и выражения общественного мнения, не как инструмент управления, могучий рычаг управления. Она рассматривается многими людьми как просто сообщение определенной информации. И с этой точки зрения они и подходят к оценке выступлений прессы, вообще к оценке критики и самокритики и работы нашей вообще. Отсюда и попытки многих хозяйственников, причем очень крупного уровня, согласовать ответ на выступление газеты заранее с редактором газеты.

Вот звонит министр и спрашивает: «Слушай, вот вы тут нас... Какой ответ вам прислать?». Отвечаешь: «Присылайте такой, как есть на деле». – «Нет, вы все-таки скажите, какой ответ прислать. Я пришло, а он будет не тот». – «Присылайте, какой есть на деле». Действуют всякими путями, присылают помощников, присылают заместителей в редакцию, и они начинают это дело...

ГОРБАЧЕВ. Имейте в виду, что процесс перестройки трудный и длительный. Но, естественно, не бесконечный. Я вам хочу только одно сказать: мы с этого пути, который избрали, не свернем. Поэтому вы не теряйтесь, имейте терпение, выдержку. И действуйте, действуйте, действуйте – кирпич за кирпичом кладите в это здание. Мы не будем останавливаться ни перед какими чинами, привилегиями. Это главное, что вас должно вдохновлять.

ЛАПТЕВ. К этому примыкает и вопрос о согласовании с другой стороны. Когда мы только публикуем, должны согласовывать с ведомствами. Причем, когда мы согласовываем цифру, факт – это одно дело. Но от нас требуют в значительной степени согласования постановки вопроса вообще. И самый большой, самый распространенный вид реакции: а зачем об этом писать? Это очень серьезный вопрос, и он ограничивает гласность.

ГОРБАЧЕВ. Мне нравилось, как действовали опытные корреспонденты. Придет он с тобой согласовывать вроде бы. Беседует и говорит – а потом полбеседы нашей и закатает в статью. Так ты ничего и не скажешь. Если вы убеждены, что серьезную вы вещь готовите, то у вас должно хватить терпения два-три дня подождать и проверить все, чтобы не проиграть на крупной вещи. Вы отвечаете за все. Перед ЦК вы отвечаете. Поэтому придерживайтесь правила – «не уверен, не обгоняй», проверь, а уверен – действуй. У вас достаточно политической зрелости. Многие из вас – руководители основных средств массовой информации, в том числе ты. Вы же в ЦК. Что же мы будем каждого из вас за руку водить. Да мы ничего не сделаем в стране, товарищи, если так будем работать.

[Нет листов 50-53.]

КРАВЧЕНКО. ...кассеты. Для АПН были изготовлены видеокассеты с записью Политического доклада на иностранных языках, а также доклада Николая Ивановича Рыжкова об Основных направлениях. Сейчас подготовлена трехчасовая кассетная программа о работе съезда, которую мы просмотрели в зале у нас с работниками отделов ЦК КПСС, АПН, Кинокомитета. Сегодня в три часа последний просмотр.

ГОРБАЧЕВ. Быстрее надо делать. А вот выпуски кинохроники [о съезде] не получились. Я два выпуска посмотрел. Очень по старой схеме они сделаны. Ничего живого в отличие от телевидения, где мы смогли видеть активность делегатов, их характер, настроение, даже атмосферу в зале. Освещение съезда по телевидению действует, понимаете, просто действует. На нормального человека действует. А вот два выпуска кинохроники, ну, я вам скажу, рутина старая. Поставил оператор свою аппаратуру – и с одной точки дует, я извиняюсь. Вот и вся пропаганда. И это пойдет по стране. Ну, кому это нужно, если люди по телевидению видели в сто раз больше и интереснее. Нужен репортаж, разговор с людьми, а не механическая запись с одной точки.

КРАВЧЕНКО. Мы это учтем, Михаил Сергеевич.

ГОРБАЧЕВ. Вы хоть немного начали позиции съемки менять. А то поставите телекамеру в затылок и затем показываете его по телевизору. Я уже по вашим передачам изучил свой затылок просто блестяще. Вообще-то его не видишь. Обычно мужчины на него не заглядывают. Это женщины интересуются, когда делают прически.

КРАВЧЕНКО. Теперь несколько слов, если позволите, Михаил Сергеевич, о Московском радио на зарубежье. Московское радио на...

[Нет листа 55.]

КРАВЧЕНКО. ...по пропаганде Политического доклада, Программы, Устава, решений и документов съезда и по освещению практической работы по его реализации. В этом году мы уже внедрили 43 новые программы и будем

продолжать эту работу, готовим партийный актив в Гостелерадио на 26 марта по итогам съезда партии.

С учетом Вашего, Михаил Сергеевич, поручения мы ввели новую программу по вопросам ускорения социально-экономического развития страны.

ГОРБАЧЕВ. Да, я видел.

КРАВЧЕНКО. Эта программа будет ежедневная. Кроме того, в программе «Время» также будем давать фрагменты из этой программы.

ГОРБАЧЕВ. У нас шел разговор вот о чем. Каждый день в специальной программе или в программе «Время» должен показываться человек, который бы рассказывал, как он со своими товарищами обеспечивает ускорение у себя на заводе, в лаборатории и т. д. Хорошая передача была с «Красного пролетария». Интересный такой деловой разговор, люди хорошие сидят, убедительно, просто говорят, веришь им. Вот это самое главное – веришь им.

Иногда наши газеты помещают выступления звеньевых. Читаешь и думаешь: ну здорово помогли написать статью звеньевому. Если бы я обладал таким уровнем, как звеньевой, мы бы ушли, понимаете, далеко. Вообще журналисты работают за звеньевых. Напишут, а его попросят подписать.

А вот когда они по телевидению говорят, ты понимаешь: так в жизни. Вот сидят они за столом – начальник цеха, бригадир и рядовые рабочие – молодые ребята, которым иногда трудно перед телекамерой говорить. Вот тогда веришь, что это происходит действительно так.

Так что пусть корреспонденты не очень под звеньевого работают. Звеньевого надо показывать, но правдиво, чтобы не получалось, что у нас все звеньевые – ну, прямо академики и ведут разговор на уровне редактора «Известий» или «Правды», академика Афанасьева. Надо, чтобы живая сохранялась жизнь, не страшно даже косноязычие, если это идет от реальной жизни, от народа. Это же народность языка, это то, что в литературе как раз больше всего ценится. Важно уловить и сохранить это. Когда Астафьева читаешь, то чувствуешь (хотя он иногда увлекается и играет в народность),

народный язык. Так и здесь. Я же знаю простых людей, всю жизнь общался с ними, когда был на партийной и комсомольской работе. Знаю, как они говорят. Вот это для телевидения незаменимо. Именно поэтому оно и действует на чувства и мысли людей так сильно.

КРАВЧЕНКО. Мы готовим новый художественный и музыкальный образ программы «Время». Нам представляется, что мы создаем такой образ – и художественный, и музыкальный. Но вот наша техническая оснащенность – это уже вчерашний день.

ГОРБАЧЕВ. Вот перед этим была беспокойная такая нотка музыкальная. А потом – усыпляющая, убаюкивающая. Будить надо, а не усыплять.

КРАВЧЕНКО. Михаил Сергеевич, хотел бы доложить Вам и руководству Центрального Комитета, которое здесь присутствует, о том, что мы сейчас вступили в полосу, когда думаем: как помочь лучшим образом Центральному Комитету и партии реализовать задачи, выдвинутые съездом. Когда задачи ясны, и цель хорошо обозначена, главное, конечно, состоит в том, чтобы ответить на вопрос: как решить, как организовать работу, как перестроиться, как достигнуть этого ускорения? Это главное сейчас для всей партии, для страны и для нас, журналистов, в том числе и работников телевидения и радио.

Партия будет давать ответ на эти многочисленные вопросы повседневной жизни. Однако задачи настолько грандиозны, что с ответами медлить нельзя. И мы, журналисты, должны, как Вы правильно сегодня перед нами выдвинули задачу, быть опорой, главными пропагандистами и главными организаторами практического процесса по реализации установок съезда. Особенно потому, что ведь за 15 лет надо удвоить экономический потенциал Советского Союза. Это две новые страны на экономической карте мира. Это огромная смелость нашей партии. Наша задача, всех журналистов, в том числе телевидения и радио, помочь партии поднять во весь рост, как в атаку, народ, партию, актив, помочь расковать созидательную энергию масс, помочь

поставить на службу этому большому делу новый опыт, созидательную критику, как Вы тут правильно подчеркивали. В этом задача нас – работников прессы, телевидения.

Как мы, работники телевидения и радио, понимаем эту задачу и готовимся к этой борьбе, чтобы на деле стать помощниками ЦК КПСС по реализации выдвинутых съездом задач? Мы поднимаем на это массовые творческие коллективы. Перед нами, конечно, огромный фронт работы. У нас немало талантливых людей. Это правда. Но у нас немало и засидевшихся людей, так сказать, погасших головешек, от которых ничего не получишь и огонька не раздуешь. Нам надо серьезно и много поработать в партийном плане, чтобы подкрепить фронт дел фронтом людей – вот такую работу мы намерены проводить.

ГОРБАЧЕВ. У вас в руках самое сильное оружие. Еще, по-моему, никто не раскрыл секреты телевидения. Поэтому мы на вас сильно рассчитываем. И вообще все, что есть ценное в газетах, через телевидение тоже должно проходить. Если в печати появляется что-то интересное, надо его перенимать и использовать, не стесняться.

Когда на телеэкран приходит человек умный, начинает он рассуждать, если у него это получается, то это оказывает колоссальное воздействие на зрителей. Поэтому я без всякой натяжки добрые слова сказал в адрес телевидения. Прогресс в его работе чувствуется. Его надо наращивать.

Конечно, вкусы у людей различны. Я-то люблю читать больше, откровенно говоря. Наверное, кто уж привык к чему. Но основная масса людей любит телевидение.

Кто из товарищей еще хочет выступить? Пожалуйста, товарищ Фалин.

ФАЛИН. У меня три коротких замечания. В будущем году предстоит 70-летие Октябрьской революции, а в июне этого года – 45-летие нападения на нас Германии. Эта дата, которая позволяет нам сказать все, что мы хотим, в адрес тех, кто эту войну организовал. Под этим углом зрения надо посмотреть на резервы, которые у нас есть, у партии и страны.

Второе замечание. Мне кажется, нет необходимости говорить о значении пресс-конференций перед съездом и в период съезда. Было бы, наверное, печально, если бы сейчас, когда съезд закончился, оборвалась эта форма работы, эта форма общения не только с иностранными журналистами, но и с громадной аудиторией нашей страны. Сейчас принимаются решения в осуществлении постановлений съезда. Нужно, чтобы каждое это решение освещалось на высоком уровне, в том числе на уровне секретарей ЦК, членов Политбюро, министров...

[Нет листов 60, 61.]

ГОРБАЧЕВ. Между прочим, был случай, когда один вариант из Программы мирного наступления, предназначавшийся для оглашения Генеральным секретарем, был опубликован накануне французской газетой. Так что с этими переводами надо быть поосторожней.

КОСТИКОВ. Вы затронули здесь в одной из реплик очень серьезный вопрос: как тот огромный политический заряд, который содержится в документах съезда, донести до аудитории и зарубежной и нашей. Нас, представителей средств массовой информации, конечно, радует постановка такого вопроса, когда в полной мере спрашивают с нас, но вместе с тем не предпринимается попыток возложить всю ответственность на средства массовой информации. Я имею в виду положения Политического доклада о том, что бесспорен факт: умное и правдивое слово имеет огромную силу влияния, но его значение во сто раз умножается, если соединится с политическими, экономическими, социальными шагами.

ГОРБАЧЕВ. Знаете, как было трудно эту мысль первый раз изложить открыто на декабрьской конференции? Ведь первый вариант, который был представлен Отделом пропаганды ЦК КПСС, был отклонен. Пришлось, как говорят, засучив рукава, всем, кто разделяет такой именно подход, за идеологию взяться. И эта линия здесь заложена. Только так и должно быть. Все остальное – это болтовня. Привычек старых много засело у некоторых в

головах. Кое-кто, вот Лаптев, например, знает, какая по этому вопросу борьба тут шла, чуть конференцию не отменили за два часа до ее открытия.

КОСТИКОВ. Теперь у нас в сердцах заряд огромной взрывной силы, и, конечно, мы сделаем все, чтобы его в полной мере использовать.

Вы затронули в одной из реплик проблему технической оснащенности наших средств массовой информации. От этого зависит, как сможем мы довести, в частности до зарубежной аудитории, ту силу правдивого слова, которая содержится в документах съезда. Если говорить откровенно, то, конечно, нам пока еще мало удалось сделать для того, чтобы пробить имеющийся тут по-настоящему железный занавес. Он создан прежде всего вокруг Америки.

ГОРБАЧЕВ. Знаете, каким путем наше Заявление от 15 января было доведено за рубеж в полном объеме? Платили за это, как объявление его опубликовали. Вот вам и свобода информации. А кое-кто, даже среди наших идеологических работников, чуть ли не в восторге: какая демократия. Это цирк, а не демократия. Это шоу, чтобы мозги нафталином забить и увести от реальной жизни и от проблем. Вот, какая это демократия. Был случай, когда на Западе одному нашему человеку начали говорить: смотрите, какая у нас демократия – вы можете выйти на демонстрацию и т. д. Он на это ответил: ну, вышли вы, походили, а что изменилось? Хороший был ответ. Простой человек был. Действительно: ну и что? Походили и разошлись. Это правильно.

Мы признаем значение демократических завоеваний трудящихся в странах капитала, их выступлений за свои права, но в то же время указываем на классовый характер, ограниченность и формальный характер буржуазной демократии. К сожалению, некоторые лица, в том числе даже отдельные руководители наших университетов, чувствую, не критически воспринимают утверждения западной пропаганды о буржуазной демократии. Что касается меня, то я ее механизм достаточно изучил и при посещении западных стран, и во время учебы на юридическом факультете, проследил всю ее историю от того момента, когда она появилась, и до нынешних дней.

Действительной является социалистическая демократия. Но, конечно, потенциал нашей демократии нужно развернуть. Мы ее еще не используем по-настоящему. В чем дело? И менять в сущности нашей демократии нам ничего не нужно. Нам нужно лишь полнее и шире использовать этот потенциал, проявить в этом заинтересованность. А когда мы проявили такой интерес, только чуть, смотрите, как активно народ откликнулся на это, какое появилось настроение у людей.

Сергей Андреевич, пробиваться туда надо и показывать, чего они стоят на самом деле.

ГОЛОС. Здесь многое прежде всего зависит от оперативности.

ГОРБАЧЕВ. Ты меня извини, ты задел очень болезную тему. Мне многие послы, когда я в зарубежных странах бывал, рассказывали про все эти АПНовские брошюры. Мы, говорят, постепенно их у себя складываем, кое-что навязываем и чуть ли не в принудительном порядке, посылаем политическим деятелям той или иной страны. Но они ими не пользуются. Вот вам и брошюры. Не продумана у нас эта система. Товарищ Фалин, Вы работали за рубежом, знаете об этом, и должны думать, как повысить действенность нашей пропаганды за рубежом. Александру Николаевичу (*Яковлеву*) тоже нужно подумать над этим. Нам надо искать пути и возможности, чтобы пробиваться, товарищи, к западной аудитории, потому что одурманен, оболванен антикоммунистической пропагандой народ страшно. Ничего о нашей действительности не знает. Вы посмотрите, во Франции какая царит антисоветчина. Я в этом убедился во время визита. Страшное дело! Пробивать эту стену лжи и клеветы надо! Все наши учреждения, ведущие пропаганду на за рубеж, – вроде сила, но результата нет. Очень это важный вопрос, Сергей Андреевич.

[Нет листов 65-68.]

ГОРБАЧЕВ. Нужно обсудить плюсы и минусы эксперимента, что дальше надо делать.

ВЛАДИМИРОВ. Кстати, я бы хотел в этой связи упомянуть о двух вещах. В прошлом году вышло Постановление ЦК КПСС...

ГОРБАЧЕВ. Только не пишите, как Лисичкин. Вот он поехал в Прибалтику и разнес все в пух и прах. Ведь это же эксперимент. Эксперимент даже тогда, когда он дает отрицательный результат, полезен. Он говорит, что, значит, не то делаем. Мы же ищем, ищем, как раскрыть потенциал социализма.

Можно, конечно, найти председателя, который уже в свое время с помощью определенной ситуации создал крепкие фонды, все у него отстроено, люди есть. Он не нуждается ни в чем, ему только собирай урожай – и получай доходы. И, конечно, он особенно не хотел бы участвовать ни в каких новых делах. Ему сейчас все мешает. Да, да, да. Как он говорит, пересаживайтесь, как угодно в Москве, только дайте горючее вовремя и запчасти.

Такую точку зрения поддержать нельзя. Сейчас людям нужно открывать перспективу, показывать, каким путем идти вперед. Очень ответственный разговор надо вести.

ВЛАДИМИРОВ. Конечно, абсолютно согласен.

ГОРБАЧЕВ. Я считаю, что это надо приветствовать. Не надо дискуссий бояться. Необходимы деловые дискуссии, обмен мнениями о том, что у нас получается, что не получается, что надо усовершенствовать. Шевелиться будут побыстрее и госкомитеты, и профсоюзы наши, и Минфин, и другие ведомства.

ГОЛОС. У нас просто рождаются...

[Нет листов 70-71.]

БАРАНОВ. ...Мы никак не можем решить вопрос о том, чтобы часть тиража газеты печаталась не в Свердловске, как сейчас, а в Тюмени. Товарищи говорят о том, что база там у них лучше, что они напечатают газету значительно лучше, утратят ее тираж. Теперь такая же история у нас с Кемерово.

В редакции я человек новый, у нас много старожилов, народ квалифицированный, встретили хорошо, никогда ранее с таким интересом

люди не работали, как сейчас, в связи с реализацией материалов съезда. У нас составлен тематический план. Мы его обсудили на партийном собрании.

Мне пришлось выступать в Свердловском райкоме партии по итогам съезда. Народ слушает, затаив дыхание. Действительно, начато большое дело.

В этих условиях нам надо быть пооперативнее. Вот пример: месячная сводка работы промышленности – мы ее получаем только 18-го числа, а напечатаем только 20-го. Какая же это оперативность, а стало быть, и действенность?

ГОРБАЧЕВ. Вот взяли бы и поместили материал по ЦСУ, долбанули бы их.

БАРАНОВ. Я работал и в ЦК, и в Совете Министров и знаю, что предварительная сводка у нас бывает на столе 5-го числа, 3-го даже числа. Если мы ошибемся с десятой долей процента, то большого греха не будет.

ГОРБАЧЕВ. Для газеты это не имеет никакого значения.

БАРАНОВ. Никакого значения не имеет.

ГОРБАЧЕВ. Каждый «кует» свои права, делает как ему удобней, куражится, чтобы показать, что он власть имеет. А работать нужно на общество, на конечный общественный интерес.

ГОЛОС. Постановлением Совета Министров 1973 года все такие сведения разрешаются к опубликованию только после соответствующего разрешения...

ГОРБАЧЕВ. А чье требуется разрешение?

ГОЛОС. ...Сейчас идет работа над его пересмотром.

БАРАНОВ. И последнее, Михаил Сергеевич. У нас у каждой редакции миллионная аудитория. Мы понимаем, что должны выступать пропагандистами партийных и правительственных решений.

ГОРБАЧЕВ. У нас явно просматривается, что ЦК КПСС заинтересован в постановке проблем, повышении информированности трудящихся, газеты заинтересованы, а все остальные... Тут улавливается нюанс, понимаете ли.

ГОЛОС. Михаил Сергеевич, вот о материальной базе вопрос поднимался. Мы строим сейчас счетную станцию товарищу Афанасьеву. Вот он и будет считать.

ГОЛОС. А мы не будем? Вот ему строится, затрачиваются на это дело миллионы, потом выбьет себе станцию кто-нибудь другой. «Советская Россия» выбьет, потом «Социалистическая индустрия» выбьет. И нам вместо одной коллективной станции придется иметь полдесятка или полдюжины таких станций. Почему нельзя иметь один вычислительный центр? Нам это надо. У нас идут десятки тысяч писем, нам нужно их классифицировать, нам надо знать общественное мнение. Нам тоже нужна систематизация. Имеешь дисплей на конце – заложил программу, и ты получаешь информацию. Так делает любая затрапезная, понимаете, зарубежная газета. Почему не можем мы, промышленная газета, орган Центрального Комитета партии, иметь такую вот технику?

Потом идет тут разговор о диктофоне. Пришел наш корреспондент к товарищу Карпову – писателю, редактору «Нового мира» – с интервью в съездовский номер. Он говорит: хорошо, давайте я надиктую. А та говорит: извините, диктофон забыла. Не забыла она диктофон – нет у нее просто того самого диктофона, понимаете, несмотря на то, что у нас миллионная аудитория.

ФЕДОТОВА. Можно мне одну минуту?

ГОРБАЧЕВ. Пожалуйста.

ФЕДОТОВА. В числе проблем, которые Вы поднимали в докладе и которые получили особое одобрение сразу на съезде, был разговор о женсоветах. И аплодисменты были, и удивление было, и радость была. Женщины – люди эмоциональные, но вы знаете, что патриоты они не хуже, чем мужчины. И все-таки эмоции свои они проявляют именно в этом плане. Очень много писем идет в Комитет советских женщин, в журнал по поводу того, как же будут работать эти женсоветы. Я понимаю, что это разговор не для сегодняшней аудитории, но в числе тех проблем я бы хотела попросить

продумать организационную сторону создания женсоветов. Не наломать бы сейчас дров, потому что ведь был хороший опыт работы женских комиссий при Советах народных депутатов. Был прекрасный опыт профсоюзов. Не забыть бы тот опыт, не ругать бы тогда те силы, которые были. Женсоветы нужны, они на многих предприятиях существуют. Но длительное время, даже вот нам – женским журналам – было говорено, что женского вопроса нет как такового и поэтому заниматься нужно другим. Но мы-то знаем, что он присутствует в тех проблемах, которые решает наше общество. И здесь, если хотите знать правду, то, например, через день после разговора на съезде все лесенки, ведущие в Комитет советских женщин, были заполнены женщинами с детьми, требующими в Комитете, в журнале решения вопросов.

ГОРБАЧЕВ. Что за вопросы?

ФЕДОТОВА. И квартиры, и пьющие мужья, и алименты, и т. д. Понимаете, я очень прошу, чтобы эти проблемы женского совета с учетом опыта были решены и чтобы средства массовой информации пока не торопились указывать, что нужно делать. Лучше бы брали опыт. Я не хочу критиковать своих коллег, но уже в день съезда появились материалы типа – спроси совет у женсовета. И встречу в Комитете советских женщин с делегатами съезда передают именно как будто женсовет создается в Комитете советских женщин. Здесь не нужно торопиться. Надо также глубоко, наверное, и всесторонне обсудить эту проблему.

ГОРБАЧЕВ. Это сенсация. Тут ничего опасного еще нет. Но вот поскорее что-нибудь сказать, хотя по существу сказать нечего, запутать дело – это действительно бывает у нас.

Политбюро приняло вчера первое решение первоочередных задач по пропаганде и осуществлению решений съезда, о реализации критических замечаний делегатов с соответствующими поручениями ведомствам. Сейчас готовятся предложения по поднятым на съезде и в докладах, и в выступлениях перспективным вопросам, в том числе, конечно, и по таким вопросам, как вопросы женсоветов, ветеранов. Мы хотим, чтобы это дело серьезно было.

Видимо, будет поручено группе отделов ЦК с соответствующими ведомствами, профсоюзами, комсомолом провести такую работу. Кстати, и Вас туда надо включить, потому что Вы аккумулируете мнение по женским проблемам, которые нужно всесторонне продумать. Эта работа будет вестись под контролем партии при Вашем участии и при Вашей помощи.

Надо сказать, что многие соцстраны взяли на вооружение наш опыт и прекрасно действуют. Я имел возможность в этом убедиться во время пребывания в Болгарии. Женсоветам права огромные даны. Многие вопросы только по инициативе этих женских советов могут решаться.

У нас без энтузиазма встретили это профсоюзы, потому что им вроде отдавать что-то придется. Это у нас есть. Все любят брать – неважно, сделает он или не сделает потом что-то с тем, что взял. А отдавать не любят.

Все это надо тщательно продумать. Мы породили, в общем-то, это движение как таковое. Ведь в 30-х годах у нас женсоветы везде были. Сейчас в национальных республиках остались, но их проблематика – вывести женщину из-под влияния религиозного – ислама. Задача сужена. А сейчас много проблем, которые решают советские женщины. Они у нас все трудятся, причем ответственность несут всякую – от рядовой до руководящей. В некоторых отраслях все лежит на их плечах. И многие прогрессивные отрасли на их плечах лежат – электроника, трансформаторы, приборы. В значительной мере это все на плечах женщин. Я уже не говорю о народном образовании, здравоохранении, сфере обслуживания, легкой промышленности и т. д.

Но надо сочетать с тем, что у женщины еще есть семья. А все ли здесь продумано? Все ли сделано для того, чтобы учесть изменившееся положение нашей женщины? Сколько она теряет времени в магазинах, в учреждениях сферы быта и т. д. Все эти вопросы надо брать под контроль таких организаций. Или вопросы детства, материнства и все то, что связано с этим. Это же все непростые вопросы.

Да и проблему семьи надо поднять. Как мы развенчали в литературе семью. Героями стали женщины-одиночки, дамы, которые создают какой-то

уют для блуждающих мужчин. И в кино мы смотрим на них – выдающиеся актрисы их играют, и полумрак создаем, и пропаганду эту всю. Весь конфликт строится на том, что жена изменяет мужу, или наоборот. Иначе конфликта нет. Возьмите любое произведение, все они на этом построены. Это ненормально.

ГОЛОС. А возьмите юридическую практику. Как только возникает вопрос о судьбе детей – передают жене без всяких... Хотя жена и не стоит того, чтобы...

ГОРБАЧЕВ. Вообще проблема семьи, товарищи, заслуживает самого серьезного внимания. Отпали многие факторы, которые раньше лежали в основе брака – экономика теперь не держит, религия не держит, закон не держит. **Семья формируется действительно на другой основе, на новых представлениях о семье, иных отношениях, человеческой личности, в иной моральной атмосфере.** В основе прежде всего личные отношения. Но надо же помогать процессу их становления и развития в соответствии с высокими принципами нашей морали, интересами не только отдельной личности, но и общества. Посмотрите, – 50 процентов разводов. Куда же мы так придем?

Вообще, наши газеты в последнее время эти темы стали хорошо поднимать. Это правильно. Правда, иногда выпустят на страницы печати какого-нибудь крикливого автора женского пола. И она начинает развивать тему о женщине, желающей вне брака иметь ребенка. На здоровье, пусть, если у нее семья не складывается. Но зачем же кричать об этом на всю страну с призывом помогать решать этот вопрос. Инструкцию что ли через газеты давать какую-то. Ну что это за дурацкий призыв! Вообще кто-нибудь думает или нет над этими вещами? Это очень деликатные вещи, товарищи. А ведь, что такое общество без семьи надежной? Вопрос детей и родителей – это не только вопрос об обязанностях родителей в отношении детей, но и детей в отношении родителей. Это же проблема. Сколько матерей оказались брошенными, забытыми. Расползлись и сыновья, и дочери. Очень это серьезная вещь, и о семье надо думать серьезно.

Все это к вопросу о женсоветах в том числе. Если в семье плохо, то страдает и мужчина, и женщина. Какое у них может быть настроение, если им в семью вообще не хочется после работы возвращаться. А все должно быть наоборот.

С каким настроением и с какими чувствами идут они на работу? Какая у них будет производительность? Все это очень серьезные вопросы, и я не хочу о них примитивно рассуждать сейчас. Я просто хочу подчеркнуть, что это очень важная тема, и поэтому мы специально включили ее в Политический доклад. Дело теперь за тем, чтобы подумать, как решать связанные с этим вопросы.

Возможно, вы не уловили это.

При подготовке доклада до последнего момента взвешивали, как лучше сказать. Да все и не напишешь. Распределяются, например, путевки на отдых – дают мужчине по одной путевке, или женщине. Ну, что это за безобразие, товарищи? Или возьмем приглашения: раздают пригласительные билеты на праздник, какую-то годовщину – опять не супругам, а отдельно или мужчине, или женщине. Почему, товарищи? Что за чушь? Кем это так заведено?

Профсоюзы, слава богу, начали сейчас выделять путевки родителям с детьми, а то и с детьми нельзя было поехать тем, кто растит детей, на отдых. Не принимал ни один санаторий. Сейчас хоть 30 процентов мест стали выделять для отдыхающих с детьми.

ГОЛОС. Сейчас во многие санатории с детьми приглашают. Да и в судебных органах, разбирая дело о разводе, стали присуждать часть денег платить матери. С алиментами есть некоторая неразбериха. В организациях накануне праздника проводят мероприятия в рамках коллектива. А почему без семьи?

ГОРБАЧЕВ. Все это противоречит интересам укрепления семьи. Этим все пронизано. Вирус какого-то равнодушия к семье сидит. Не понимают ее значения. И в литературе это находит отражение. В этом смысле она правдива.

Но кому, спрашивается, нужна такая правда, на что она ориентирует? Подводит к такому выводу: весело живут, а что же я так скучаю?

Я чувствую, что вы к обеду уже приготовились. Думаю, что мы с вами встретились в нужное время. Как раз в то время, когда везде обдумывают, что же надо делать после съезда. Вроде бы все, что можно было сделать к съезду, сделано. И это помогло создать творческую атмосферу в стране. Это мы почувствовали через выступления делегатов, через отчетно-выборную кампанию. Сформировалась какая-то новая атмосфера в обществе, позволяющая нам надеяться на то, что народ наш активно включится в процесс решения выдвинутых съездом задач в политической, производственной и духовной сферах. Это очень важно. Это главное, товарищи.

Сейчас главное состоит в том, чтобы все намеченное съездом воплотить в жизнь. Тут прозвучало очень хорошее выражение: «не заговорить», не утопить в говорильне дело воплощения в жизнь стратегии и планов партии.

В общем, я чувствую, что этим озабочены, как и ЦК, все. Это самое главное мое впечатление. И это самая важная предпосылка того, что если не сегодня, то завтра, но мы обязательно найдем подходы к решению стоящих перед нами задач, осуществим меры, направленные на то, чтобы работать лучше, идти дальше, сконцентрировать деятельность наших средств массовой информации на главном – на выполнении решений съезда.

Мы понимаем огромную и мобилизующую роль в этом средств массовой информации. Их деятельность будет постоянно находиться в поле зрения партии. А это значит, что и направление будет, и помощь, и критика, и поддержка. Так и должно быть. Это нормальный процесс. Да, в общем, и на критику надо реагировать по-деловому, извлекать выводы, улучшать работу, в том числе когда это относится и к редактору.

Позавчера, когда мы встречались с членами нашего Правительства, я говорил об этом. А то ведь бывало, как только делалось какое-нибудь критическое замечание, то сразу появлялась мысль: наверное, выгонят. Сейчас вопрос стоит не так. Не об этом надо думать. Надо, чтобы критика была

нормальным явлением. Возник вопрос – задай его, есть замечания – выскажи, но надо, чтобы после этого дело менялось к лучшему. Вот о чем идет речь.

У нас были журналы и газеты, на страницах которых отдельные лица счета сводили личные. Но газета – не место, чтобы счета сводить. Это – трибуна страны, орган, выполняющий огромное общественное дело. И давайте придерживаться такого подхода: есть оправдавшие себя новые подходы – надо их поддерживать. И делать это под ответственность редакторов. Политическая линия есть. Ее нужно проводить строго и неукоснительно. Все остальное – под ответственность редакторов. Допустите ошибки – отвечайте, добьетесь успеха – будем приветствовать и отмечать. Это тоже надо. Доброе слово творческим работникам, может быть, еще больше нужно, чем кому бы то ни было. Потому что если настроения нет, трудно сотворить что-либо такое, чтобы задело бы за душу человека, читателя, зрителя.

Очень важно, чтобы вы с первых дней после съезда включились в активную работу и действовали в этом духе. В этом я вижу главный смысл нашего разговора. Важно, чтобы вы уже на этой стадии знали наши замыслы, наше отношение к делу, которое вы ведете, к поручению, которое вы выполняете. А вот какой запев дадите вы, присутствующие здесь, во многом будет зависеть работа и всех остальных органов массовой информации. Поэтому за работу! Дела нужны. Я хочу пожелать вам успехов.

Тут был поднят ряд практических вопросов. Одни, я думаю, мы решим быстро, найдем способы их решения. Другие – посмотрим. Я думаю, что необходимо шаг за шагом решать вопросы материальной базы средств массовой информации, ориентированных как внутри страны, так и за ее пределы. Уж на что, а на техническую базу нашей идеологии средств жалеть нельзя.

Товарищи, велика сила правдивого слова и ответственность ваша серьезная. Вот Александру Николаевичу докладывают, что на сегодня, на утро издано полтора миллиона экземпляров брошюр с текстом Политического доклада.

ЯКОВЛЕВ. Да. И полтора миллиона – в республиках.

ГОРБАЧЕВ. И все же не хватает. По благу достают. Это о чем-то говорит, товарищи.

ГОЛОС. Три миллиона публикации в газете.

ГОРБАЧЕВ. Это о чем-то говорит, товарищи?

ГОЛОС. Кроме того, нужно учесть то, что издано на иностранных языках, опубликовано в зарубежных газетах.

ГОРБАЧЕВ. О деле, о жизни, товарищи, надо писать ответственно, серьезно. Иногда вдруг видишь, что случается прорыв в газете в какой-то день. В «Сельскую жизнь» я по этому поводу иногда позваниваю по старой памяти: что ты, говорю, на ТАСС сваливаешь. Что тебе нечего писать? Для сельского жителя нужно давать живые материалы, волнующие его. И не только критические. Людей сейчас очень волнует вопрос: что дальше, что нужно делать? Надо им помочь, товарищи. А помочь – это значит уловить новый опыт, донести его до сознания самых широких масс, всемерно содействовать его распространению.

Понятно, нужно критиковать то, что требует критики. Это продолжать надо. У вас есть опыт, как раскритиковать. Тут уже я советов вам не даю. Раскритиковать до основания, а затем... *(Смех в зале.)*

Я думаю, что мы расстаемся в духе полного взаимопонимания. Впереди огромная работа. Вот это надо постоянно помнить. И работать. По совести, по партийной совести. Желаю вам успеха.